

ОБВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ

НЕ ЧУДО ли это — когда смотрим кукольные фильмы Арнольда Буровса, испытываем какое-то захватывающее удивление? Вот уже двадцать лет.

Было время, кажется, привыкнуть к его умению в точных бытовых зарисовках, деталях заключать нестандартную мысль, живое чувство. Среди его тридцати фильмов такие яркие удачи, как «Сказка о медяке», «Умуркумур», «Мечта», «Бимини», хотя, конечно, случались и «непопадания». Все-таки это непросто: годами быть на уровне своих задач, самому определять высоту планки творчества и постоянно открывать что-то новое. Тем более, все чаще слышишь: мультипликация (особенно кукольная) исчерпала себя — и по форме, и по содержанию.

Из какого же источника черпает Арнольд Буровс «святую воду» обновления? Как всякий подлинный художник, он ищет ее прежде всего в теме, идее, в близких ему судьбах, чувствах, мыслях и переживаниях, которые находит в латышском фольклоре, в творчестве Судрабу Эджуса, Карлиса Скалбе, Вилиса Лациса, Виктора Гюго, Генриха Гейне, О'Генри. Обращаясь к разным литературным сюжетам, Буровс размышляет о подлинных и мнимых ценностях в этом мире, и его главный, любимый герой — человек мечты. Будь то чудной Даука из одноименного фильма или подмастерье Янис («Умуркумур»), или бродяга Соппи из картины, которая так и называется — «Мечта».

Да, мечта для Буровса — движущая сила жизни. И недаром рассказ о банщике Ансисе («Сказка о медяке») стал поэтической метафорой судьбы человека, предавшего свою мечту, оказавшегося во власти алчности. Жизнь обошла его стороной, пролетела мимо, словно ярмарочная карусель, на которой нет для него свободного места. Найденный медяк постоянно скрючивает его пальцы, при-

выкшие только считать деньги. Даже во сне они не могут разжаться — все считают и считают, и покрываются морщинами лицо Ансиса, тускнеет синь глаз, он все больше горбится, пока не превращается в сухую скрюченную корягу.

Образ человека-пустоцвета, подменяющего устремленность за высокой мечтой погоней за собственным благом, выведен и в карти-

организации кадра: детали, характер помещения, пластика кукол, движение камеры, освещение. Например, какая оригинальная пластика найдена для горемыки Соппи, в котором явно угадывается образ чаплинского Чарли — и в том, как каждый раз после очередной «взбучки» он тщательно сбивает с себя пылинки, как наводит блеск, потеряв ботинок о стрелку брюк, и в том, как, браво

закрадываются тревога, предчувствие трагедии.

Ненавязчивая выразительность предметов многое рассказывает нам и о жизни рыбака с маленьким сыном (фильм «Соколики»). Входя в их дом, не сразу замечаешь, что к стене прикреплена фотография женщины, что кровать заправлена домотканым одеялом совсем неумело, что у глиняной кружки ручка наполовину отбита...

мого чувства времени. Времени как образа. Оно оживает в картинах Буровса в конкретных бытовых реалиях, в характеристике среды, в неожиданных контрапунктах.

В «Умуркумуре», в «Мечте» жизнь улицы буквально пронизана временем: это картина эпохи. В «Соколике» череда дней передает однообразную, монотонную жизнь мальчугана. А скользящий по комнате солнечный луч — его часы. В фильме «Отчего мышонку не спалось» ночь сменяет день, луна — солнце: в этих персонализациях чувствуются ритмы природы, близкое фольклору созвучие макро- и микромира.

ПОЭТ МЕЧТЫ

ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

не «Искатель благополучия». Герой фильма — этаким праздничношатающийся детина, для которого и топор что-то тяжел, и яблоко слишком кисло, и сеть больно мокра. Режиссера волнует вопрос, почему так немало сегодня здоровенных детинушек, занятых только поиском легкого житья для себя да места, где лучше. Жизнь, растраченная в безделье, по мнению Буровса, что пролившая вода, и нашим внукам не зачерпнуть ее, не напиться. И, желая воздать хвалу добродетели истинного труженика, режиссер совсем недавно снял фильм «Приключения старого дворника», герой которого так привлекателен в своей самой заурядной вроде бы работе.

Конфликт двух мировосприятий, в котором с одной стороны — мечтатели, беспокойные, мятущиеся души, люди, наделенные умением любить, верить, трудиться, а с другой — тупость, равнодушные, оскудение человеческого духа, проходит через многие фильмы Буровса. Тем более важно, какими средствами выразительности достигается воплощение столь непростых идей в кукольном фильме.

У Буровса наблюдается тончайшая нюансировка в

крутанув тростью, старается стряхнуть уныние, снова бросаясь в бой за свою мечту о любви. Перед нами глубоко индивидуальный и столь полюбившийся характер, сочетающий в себе великодушные, озорную лукавность и упорное сопротивление отчаянию.

Щедро использует режиссер и язык вещей, предметов, которые усиливают ощущение подлинности ситуации, психофизического состояния героя. Вспомним, как достигается ощущение одиночества главного героя фильма «Умуркумур». Янис бродит по узким мощеным улочкам Старой Риги. Заманчиво сверкают на солнце яркие вывески магазинов, сияет медью дверная ручка, тают на солнцепеке лужи. Мелькают разные лица — шарманщик, дети, играющие в похороны, толстопузый папаша, бросающий сладострастные взгляды на бледную молодую женщину в окне, бравый моряк, спешащий отвезти на берег земных радостей... Каждый занят своим делом, и только Янис, отверженный, никому не нужный, бродит один, и все двери для него закрыты. Выражение лица героя не меняется, но меняется настроение зрителя, в сердце

Лаконичные бытовые детали будят наше воображение, мы погружаемся в атмосферу доброго, но похолодавшего неустрашенного мира двух очень дружных мужчин.

Тема мечты в работах Буровса тесно связана с конкретным образом — с дорогой. Дорога — это познание истины. Идущий познает окружающий мир и самого себя. Уже в его первом фильме «Ку-ка-ре-ку» была символика дороги. Петушку пришлось пройти долгий путь, чтобы найти правду и добыть чудо-мельницу. Мальчик Даука мечтал о дороге знаний, о голубой линии горизонта. А для цветочного Ансиса и его друга Кота («Цветы Ансиса») дорога — это белый, нетронутый мир, в котором каждый волн оставить свои следы. Сиротка Мышка («Отчего мышонку не спалось») отправляется тоже в дорогу, чтобы купить в городе на найденный талер матушку.

Мультипликация — искусство пластики, движения. В фильмах Буровса движение почти осязаемо. Безусловно, это не что иное, как тщательные манипуляции со временем (одна секунда вбирает 24 кадра, в день удается снять от 5 до 20 секунд), но я чуть коснусь са-

Действие «Бимини», а значит, и жизнь главного героя дна Леона течет, словно песок в песочных часах, которые держит в руках розовощекий ангел — вечно улыбающийся, парящий над временем, над добром и злом, никогда не стареющий. Стареют другие. Из вдохновенного юноши Леон превращается в благородного, уверенного в себе мужа, из многоопытного морского волка, избородившего все моря и океаны, — в немощного старца. Не ведающий ни любви, ни смерти ангел равнодушно отсчитывает секунды чужой жизни. А через сердце дна Леона проходит жизнь и смерть. Он творит, ищет, находит. И сильной рукой ведет каравеллу к своей последней мечте, к острову Бимини.

Буровс не дает своему герою достичь чудо-острова. Только — поиски, только — грезы о нем. Ибо остановка — это застой, это смерть. Вечное стремление к мечте — это бессмертие духовной красоты человека. И как тут не переадресовать режиссеру Арнольду Буровсу слова Яниса Судрабалки: «Фантастов и мечтателей Вселенной я славолю — их сподвижники и поэт».

А. СВАРИНСКА.